

Глава 12. Обвести вокруг пальца

Лю Тяньцзяо никогда прежде не занимался похоронами, но смутно припоминал: родственники и друзья, приходящие почтить память усопшего, всегда приносят с собой лицзинь — подношения в деньгах. В отличие от свадеб, куда могли заглянуть с отрезом ткани или корзиной яиц, на похороны несли только звонкую монету.

В деревне поговаривали, что если смотреть лишь на траты для пиршества, то такие обряды чаще приносят доход, чем убыток. А уж для такого человека, как Лю Лаода, который вел дела со многими и имел широкие знакомства, эта сумма могла быть весьма внушительной.

Именно в этом заключалась причина небывалого рвения братьев из старой семьи Лю. Наследником у Старшего Лю остался лишь юный гэ'эр, не способный стать опорой дома, а раз Старик Лю и Старуха Лю были еще живы, то все жертвования по праву должны были оказаться в руках братьев, прикрывающихся именем родителей.

Лю Тяньцзяо не был глуп и сразу расставил точки над «и»:

— Деньги на столы возьмите из тех подношений, что принесут гости.

Гуань-ши, жена Лю Лаосаня, недовольно поджала губы:

— Цзяо Гэ'эр, ты еще молод и жизни не знаешь. Припасы нужно готовить за день до пира. Не можем же мы ждать гостей, чтобы только тогда бежать на рынок за рисом.

— Верно говоришь, — подхватила Сунь-ши, супруга Лю Лаояо, с видом кротким и смиренным.

— Если ты так не хочешь тратиться, мы могли бы и сами вложиться. Только... как уже говорила вторая невестка, живем мы бедно. Даже если выскребем всё до последнего гроша, столы позорно будет людям показать.

Каков муж, такова и жена. Сунь-ши была сестрой одного из однокашников Младшего Лю, родом из города. Когда тот не преуспел в учебе и вернулся в деревню работать коробейником, она послушно последовала за ним.

В отличие от грубой Сяо Цянь-ши, она всегда держалась мягко, говорила мало и слыла в деревне доброй душой. Половина доброй славы Младшего Лю среди соседей была заслугой его жены.

Но юноша помнил предостережение своего покойного папы. Тот еще при жизни шептал сыну, что из всех невесток в семье именно Сунь-ши — самая коварная и черносердечная.

Цзяо Гэ'эр не знал, на чем основывалось это суждение, но бдительности не терял.

— И сколько же нужно на этот пир? Сбережений у меня немного, надо понять, хватит ли.

Стоило зайти речи о деньгах, как Сяо Цянь-ши не выдержала и выпалила:

— Тридцать серебряных лан!

Тяньцзяо возмущенно вскинулся:

— Вторая тётушка, вы, должно быть, обсчитались. На тридцать лан можно купить десяток жирных свиней!

Сунь-ши мысленно прокляла невестку. Жена Второго Лю только позорила их своим скудоумием и жадностью. Требовать тридцать лан за поминки — да над ними вся деревня смеяться будет.

— Ну что ты, — мягко перебила она, — зачем такие траты? Пяти лан будет вполне достаточно.

Юноша подумал, что папа был прав лишь отчасти. Сунь-ши хоть и была хитрой, но знала меру. Иметь дело с ней было куда приятнее, чем терпеть наглость Сяо Цянь-ши.

— У меня как раз есть шесть лан. Я возьму пять.

После всех потрясений Гэ'эр начал рассуждать трезво. Плетью обуха не перешибешь: пока их требования не выходят за рамки разумного, лучше уступить. Его отец всю жизнь трудился не покладая рук, и Тяньцзяо не хотел, чтобы последние проводы родного человека превратились в жалкое зрелище.

Вторая невестка, загребая серебро в карман, все же проворчала:

— И что на это купишь? Опять придется каждую копейку выгадывать.

— Этого хватит на целую тушу свиньи и десятки кур да уток, — холодно ответил Тяньцзяо. — На поминках будет от силы тридцать столов. Неужели такого количества мяса не хватит?

Гуань-ши и Цзян-ши, жены Третьего и Четвертого братьев, остались вполне довольны. Они подхватили Сяо Цянь-ши под локти и потянули к выходу:

— Цзяо Гэ'эр прав, на мясо точно хватит!

Оказавшись за порогом, Сяо Цянь-ши в негодовании вырвалась:

— Мы же договаривались трясти его вместе! Что вы из себя праведниц строите?

Сунь-ши лишь приложила ладонь ко лбу:

— Старшая невестка, Тяньцзяо юн, но не глуп. Ты потребовала тридцать лан. Хочешь, чтобы о нас по всей округе анекдоты травили?

Жена Второго Лю не раз попадалась в ловушки Сунь-ши и знала, что та куда коварнее. Наверняка у этой лисы припасен другой план. Присмирив, женщина буркнула:

— Ладно, пойдем работать.

Гуань-ши не тронулась с места:

— Вторая невестка, закупаться пойдем мы все. Негоже все деньги оставлять у тебя одной.

Сяо Цянь-ши расставаться с серебром не желала:

— Я теперь за старшую, мне и распоряжаться!

— Наша старшая невестка давно в земле лежит, — отрезала Гуань-ши. — Да и при жизни ты её не больно-то уважала.

Цзян-ши кивнула:

— Мы прекрасно знаем, что у тебя на уме. Но без нашей поддержки ты ничего не получишь.

Сунь-ши промолчала, но её взгляд красноречиво подтверждал слова сестер.

Жене Второго Лю пришлось достать серебро и раздать каждой по лану.

— Но ведь одного лана на овощи не хватит!

В этот момент во двор вошла Старуха Лю с корзиной за плечами. Услышав причитания, она прикрикнула:

— Какие еще овощи? У Старшего в огороде добра навалом, оттуда и берите!

«И то верно, — подумали невестки. — Сэкономим на овощах, а мясо на столах — лишь для виду.

Все равно все кругом бедные, перетопчутся»

Тяньцзяо ожидал, что родня не упустит случая нажиться. На следующий день он вышел взглянуть на столы и, к своему удивлению, увидел двенадцать блюд, среди которых семь или восемь были мясными. Неужели в людях из старого дома проснулась совесть?

Правда открылась лишь перед самым выносом тела. Юноша услышал, как люди в похоронной процессии перешептываются:

— О чем думал Старик Лю, когда выбирал для сына такое глухое место? Мало того что далеко, так и дорога — одно мученье. Те потроха, что мы съели, вмиг растрясет, к возвращению все от голода помирать будем.

— И не говори! Гроб нести — труд тяжкий, а завтрак? Одна кастрюля жидкой каши, в которой и зернышка не выловишь. Лю Лаода был так богат, а похороны — сплошная нищета.

— Да уж... Вчера на столах все так красиво лежало, а стоило пару раз залезть палочками в блюдо, как обнаруживалось, что под тонким слоем мяса — одни овощные листья.

— Знаешь, что? Говорят, в городе теперь так модно: сверху мясо, снизу зелень. Для солидности.

— Солидность — коту под хвост! Не верю я, что городские господа гостей голодом морят.

Лю Тяньцзяо затрясло от ярости.

«Эти твари... — в ярости подумал он. — Взяли деньги и так опозорили память отца!»

Братья Лю тоже слышали эти разговоры. Мужчины ценили репутацию, и то, как их жены обделали дела, заставило их сгорать от стыда. Но сейчас было не время для семейных сцен.

Гэ'эр, с трудом подавляя гнев, шел в траурной процессии. По обычаю его сословию не полагалось провожать усопших на кладбище, но Тяньцзяо поставил Лю Лаоэру условие: либо он идет, либо его сын, Лю Чэнци, не будет разбивать горшок. Претендентов на эту роль среди братьев хватало, и другие с радостью бы перехватили почетную обязанность.

Разбить горшок — значило официально признать себя наследником. Второй Лю не мог упустить такой шанс для своего сына и убедил остальных позволить Тяньцзяо пойти. Он и подумать не мог, что покладистый племянник решится на ответный удар.

Пробил назначенный час. Старший сын Второго Лю, Лю Чэнци, взял новую метлу и смел пыль с крышки гроба в деревянную шкатулку. Затем он положил медную монету под угол гроба.

Когда процессия тронулась, Чэнци пошел впереди с белым поминальным знаменем. Остальные родственники, облаченные в грубое полотно, следовали за ним, оглашая округу плачем.

За воротами наступил решающий момент. Гроб водрузили на погребальную колесницу, перед которой стоял горшок, полный пепла от сожженных бумажных денег. Тот самый ритуал — разбивание горшка.

Лю Лаоэр не сводил глаз с сосуда. В голове он уже подсчитывал серебро покойного брата. Если денег немного — пусть остальные братья делят, чтобы не завидовали. А вот добротный дом из кирпича...

«Раз уж мой Чэнци теперь «сын» Старшего Лю и старший внук в старой семье Лю, то справедливо будет забрать дом себе. В конце концов, в глазах родителей я имею куда больший вес, чем третий или четвертый братья»

Единственной помехой был Лю Лаояо — тот еще хитрец. Второй брат уже придумывал, как с ним договориться, но судьба преподнесла ему подарок: он случайно узнал тайну Младшего. Теперь, если тот вздумает претендовать на дом, придется пойти на крайние меры.

Все складывалось как нельзя лучше. Лю Лаоэр довольно жмурился, ожидая, когда его сын исполнит обряд и наследство окажется у них в руках.

Но в тот самый миг, когда Лю Чэнци протянул руку к погребальному горшку, из толпы молнией метнулась чья-то фигура. Она высоко подняла сосуд над головой и с силой обрушила его на землю. Раздался резкий звон — и горшок разлетелся на тысячи мелких осколков.

<http://bllate.org/book/15343/1372748>